

Запись школы общины с отцом Хулианом Карроном

Милан, 29 января 2014 г.

Текст: Л. Джуссани. У истоков христианского притязания. Гл. 8. П. 2-4.

- **Noi non sappiamo chi era**
- **Give me Jesus**

Gloria

Мы договорились работать над пунктами со второго по четвертый. Я получил огромное количество вопросов, многие из которых касались главного пункта предпосылки. Вы спрашиваете, что же такое человеческая гениальность, которую Джуссани настойчиво называет обязательным условием для понимания того, кто же такой Иисус (то есть для понимания всего, о чем говорится в главе). Итак, всем ясно, что эта гениальность не равнозначна спонтанности, она не определяется уровнем святости или нравственной безупречности. Поэтому я и утверждал: в восьмой главе речь не идет о том, что мы обычно понимаем как нравственность или морализм. Евангелие постоянно свидетельствует нам о том, что в мытарях (а уж их никак не назовешь безупречными, ведь они воровали) было больше этой открытости, чем в фарисеях, казавшихся идеальными. Человеческая гениальность, о которой говорит Джуссани, – это открытость. Ее можно называть и нравственностью, но лишь в том смысле, какой мы находим в третьей главе «Религиозного чувства»: нравственность в познании, то есть открытость, делающая возможным познание. Таким образом, восьмая глава не дает нам никакой инструкции, она рассказывает о поведении, позволяющем замечать Иисуса. Отец Джуссани настаивает, что эта гениальность не должна проявляться спонтанно, ее необходимо непрестанно воспитывать и подстегивать. И потому возникает вопрос: как? Что пробуждает в нас человеческую гениальность? Какую работу нам нужно проделывать?

На прошлой школе общины ты говорил о необходимости прилагать усилия, чтобы поддерживать в себе изначальную открытость, в противном случае мы не понимаем, что происходит.

«Не понимаем, что происходит».

И я спрашиваю: каким образом? Для меня этот вопрос крайне важен.

Не только «для тебя» – он крайне важен для каждого! Потому что иначе события происходят прямо у нас под носом, а мы в них ничего не улавливаем.

Мне кажется, в самых разнообразных ситуациях, в которых Тайна захватывала меня, моя расположенность всегда являлась даром благодати, некоей данностью. Иными словами, я думаю, что неспособен приходить в волнение или позволять вещам поражать меня. Лишь когда мне дарована благодать быть глубоко затронутым, ощущать открытыми собственными раны, я могу со всей моей свободой прирастать к Тайне (и этот переход всегда наиболее сложный и не само собой разумеющийся), могу начинать жить по-настоящему. Такая способность добраться до своей глубины, задаться вопросом о том, что в действительности меня удовлетворяет, дойти до сути вещей, – такая способность мне кажется целиком и полностью даром, мне не принадлежащим. То есть, если Тайна может использовать даже черствость, к которой склонно в последнее время мое сердце, – прекрасно, я охотно соглашусь

с таким поворотом событий. Вот только я не понимаю, почему так происходит. Когда во многие трудные моменты я говорил да, моя жизнь расцветала. Мне не ясно, зачем Тайне понадобилось прийти ко мне через трудности, как не ясна и эта черствость, которую я переживаю сейчас. Разница лишь в одном: раньше, в сложных обстоятельствах я мгновенно получал во сто крат, теперь же, на мой взгляд, получаю гораздо меньше. Ты, конечно, предлагаешь нам нечто принципиально большее, и мне хотелось бы лучше в этом разобраться.

А что тебе помогает?

В настоящий момент самая большая помощь – это отношения с друзьями.

То есть?

Мне кажется, что...

Отношения с какими друзьями? Какие качества отличают твоих друзей?

Они встретили то же, то встретил я.

И тогда как именно происходит твоё воспитание? Как постоянно воспитывается твой естественный дар? Благодаря кому? Достаточно посмотреть на опыт (хотя часто мы этого не осознаем): тебе удалось уловить в действии нечто совершенно уникальное и пережить обстоятельства особым образом только потому, что твоё сердце непрестанно раскрывается, распахивается. Правда же?

Да.

Конечно. Вот ты говоришь: всё это дар. Верно. Но имеет место и твоё открытость, твоё свобода. Согласен?

Да.

Тайна воспитывает посредством этого дара, который вновь и вновь пробуждает нас. Но его нужно принять со всей доступной нам открытостью. Понятно? И принять его можешь, ты, ты, ты и ты! Тайна способна распахнуть перед тобой что угодно, как это часто и происходит. Но ответить да должен ты. И только отвечая да, мы позволяем воспитывать себя.

Но проблемы начинаются, когда ты не распахнут, когда вещи словно держатся от тебя на расстоянии.

Нет, нельзя вернуться назад! Если ты распахнут, ты распахнут. Если тебя поразило что-то, значит, ты поражен и не можешь теперь говорить: «Это не так». Ты поражен и, следовательно, распахнут, заинтересован, открыт. Спустя мгновение ты волен сказать нет или да, но нельзя избежать того факта, что нечто тебя поражает. И тогда благодаря чему мы движемся? Нами движет – отец Джуссани постоянно нам об этом говорит, и поэтому я всегда напоминаю о методологической ценности десятой главы «Религиозного чувства» – нами непрестанно движет сама реальность. Именно она вновь и вновь пробуждает в нас удивление перед лицом вещей. Это во-первых. А во-вторых, наиболее реальное присутствие, существующее в реальности, зовется Христом. Ясно? Мы постоянно движимы, но необходимо и постоянно с этим соглашаться. И вот это зависит от тебя, зависит от меня. Понимаешь?

Да.

Поэтому каждый должен определить, благодаря чему его жизнь раскрывается, – и неважно, что случилось накануне. Положить новое начало может прекрасный день или присутствие какого-то человека, чье отношение с реальностью меня поражает, – все может начаться заново посредством чего угодно. Один из вас пишет мне: «Спасибо за последнюю школу общины, потому что она раскрыла неожиданную новизну восьмой главы, наполнив меня изумлением и благодарностью [видите: человек приходит сюда, и с ним такое происходит]. Осознав это, я ощутил радость, поскольку смог обнаружить ясный признак опыта: событие Его присутствия превозносит человеческое “я” и порождает желание идти до глубины, быть сознательным, вновь обнимать жизнь с предельной простотой и с более радостным усердием [происходит факт, позволяющий мне проделывать опыт того, о чем говорится в тексте, а не просто принимать прочитанное за истину – иначе слова никак не влияют на жизнь. Нет, тут мы начинаем воочию убеждаться – и так случается со многими из вас: описываемые вещи влияют на жизнь именно потому, что становятся опытом]. И как же хочется сделать постоянной, то есть живой и осознанной, эту изначальную открытость, к которой призывает нас Джуссани! Сколько же желания в этой открытости! Для меня даже самые болезненные и мрачные моменты исполнены просьбы [даже в самые мрачные моменты можно быть переполненным просьбой, мольбой]: “Даруй мне жизнь, ведь без Тебя я не могу ничего”. И все чаще открытость определяется ожиданием, ожиданием того, что, чем сознательнее становится моя открытость, тем свободнее она от всяких претензий. Когда же я поддаюсь рассеянности [сменяющей просьбу], привычке, обыденности, все пересыхает, ожидание превращается в претензию и начинаются жалобы, пусть даже неярко выраженные, скрытые [все пересыхает!]. Таким образом, неизбежное пересыхание “я” позволяет понять: открытость – не спонтанность или произвольность [засуха потому и возможна, что речь не о чистой спонтанности – в дело всегда замешана и свобода]. Подобный опыт тоже необходим. Как же тогда поддерживать эту открытость пробужденной и распахнутой, напряженной и упорядоченной? Мне больше всего помогают тексты отца Джуссани. Сейчас, читая его биографию, я проделываю тот же опыт, что и ученики на пути в Эммаус: “Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил с нами?” Это напор красоты, возвышающий жизнь [поскольку в нем сообщается опыт, который увлекает и распахивает меня]. И я замечаю, как школа общины очень помогает не остаться лишь на сентиментальном уровне, не ведущем к каким-либо постоянным последствиям. Она представляет собой критическую работу, неизбежно подразумевающую труд, и помогает сделать более осознанными, то есть моими, шаги, необходимые, чтобы пройти путь. Иисус не просто так спрашивал тех, кто шел к Иоанну Крестителю: “Что смотреть ходили вы в пустыню? Трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? Пророка?” [Иисус побуждает учеников идти до самой сути того, что их сподвигло отправиться к Иоанну Крестителю: “Что же смотреть ходили вы? Пророка? Да, говорю вам, и больше пророка!». Или когда Он спрашивает: “Не хотите ли и вы отойти?”» Иисус побуждает идти до самой сути. И когда человек видит, как это происходит, он живет открытостью, как, например, одна девушка, которая, посмотрев выпуск передачи «Удивительные жизни», посвященный отцу Джуссани (сейчас его можно найти и на сайте), написала следующее письмо. «Я не из Движения, по крайней мере пока. Но я видела и вижу во всех вас нечто грандиозное, и ничего подобного мне в жизни не встречалось [эта девушка не размышляет о тексте, не повторяет услышанные от кого-то истины – нет, она смотрит на опыт, на происходящее в настоящий момент]. Раньше, живя в моем родном городе, я принадлежала другому движению и потому уже была знакома с церковными движениями. Но никогда раньше мне не приходилось сталкиваться с чем-то столь реальным и конкретным. Невозможно не признать, что вами, как и всем миром, движет сильнейшее желание быть счастливыми, неизбежно влекущее за собой следование за Христом. Благодаря только что просмотренной передаче я поняла множество

вещей, которые знала и раньше, но до конца не понимала. Мне было неясно, что значит Христос, что значит Его фраза “Я пришел принести не мир, но меч” или что первая любовь в нас – это Он. Я не улавливала смысла выражения “быть до конца последовательным в отношении с самим собой”. Я много не понимала. С тех пор, как я встретила CLU, я очень выросла и открыла новую прекрасную реальность, которая пленяет и увлекает дальше, чем любое возможное человеческое желание [смотрите, вот что распахивает нас: присутствующая реальность, которая пленяет и увлекает дальше, чем любое возможное человеческое желание!]. Эта реальность требует от нас верности самим себе, всему нашему желанию. Поэтому, когда в конце передачи журналистка спрашивает тебя, принимает ли нынешняя молодежь харизму CL так же близко к сердцу, как те, кто знал Джуссани, я не могла не воскликнуть: “Иначе и быть не может!” Мне показалось очевидным, словно в свете солнца, следующее: истина, которую мы несем, привлекает любого человека, чье сердце открыто и исполнено желания, пусть даже оно того не замечает. Не стану скрывать: думая о моменте времени, в который мы живем, я ощущаю удрученность и подавленность, потому что все вращается вокруг поверхностности, стремящейся умалить желание. Каждый день на нас бесчисленное число раз нападают, со всех сторон атакуют за любую мелочь, помогающую нам отбиваться. И я чувствую себя потерянной. Я еще не читала ту часть книги “У истоков христианского притязания”, которую нужно подготовить к следующей школе общины, но меня давно уже мучит один вопрос: как я могу оставаться верной самой себе в подобный период? Я чувствую собственное бессилие и боюсь в конечном итоге сдаться во власть этого мира, желающего вырвать из нас самое великое наше желание. Мне страшно привыкнуть к тому факту, что, вероятно, я не в состоянии ничего сделать». Ответу: продолжай делать то, что до сих пор у тебя получалось, – признавай присутствующий в настоящем опыт, который не сведут на нет никакие нападки. Такой опыт гораздо сильнее любых атак. Эта наша подруга видит риск, который существует для каждого из нас, – риск умалить желание. Ведь чего добивается власть в нынешней культурной ситуации? Отец Джуссани всегда утверждал, что она стремится умалить желание, заставить нас смириться. И поэтому девушка не ошибается, когда видит сейчас, в настоящем (не в прошлом!) людей с подобным желанием – и они пленяют ее и увлекают ввысь, за пределы любого возможного человеческого желания. Вот на что пытается ответить восьмая глава, которую мы все еще с трудом понимаем.

Прочту одно письмо, чтобы перейти к пункту, над которым мы должны работать сегодня. «Хочу сказать тебе, что, несмотря на все сказанное во время последней школы общины, у меня по-прежнему сложности с восьмой главой. Я могу увязать с собственной жизнью лишь отдельные отблески [каждый может взять от главы тот или иной отрывок – в ней так много отправных точек, она столь необозримо богата, что всегда можно уловить какой-то отблеск], но в конечном итоге не могу сказать ничего, что прояснило бы мой опыт. Словно я не познаю Его все больше [эта глава поставлена на завершающем этапе пути веры, то есть пути, позволяющего глубже познать Христа и помогающего решить, верить нам или нет, – и если я не узнаю Его все больше, так зачем же нужна восьмая глава?]. Это серьезная проблема, прежде всего потому, что, как ты говорил, “не цементируется мое отношение с Ним”, от чего я страдаю сильнее всего. И тогда я спросила себя: зачем отец Джуссани написал эту книгу и эту главу? И перечитала предисловие – и там, в предисловии говорится следующее: “Росту и развитию ума способствует не абстрактное рассуждение, а нахождение в человечности определенного момента истины, достигнутой и изреченной [именно это нашла девушка, написавшая предыдущее письмо: разум расширяется, распахивается, когда мы находим в человеке, в ком-то присутствующем, в чьей-то человечности момент достигнутой и изреченной истины. Когда достигаешь истины, можешь ее определенным образом и изречь, иначе невозможно было бы говорить о ней так!]. Это кардинальный переворот

метода, знаменующий переход от религиозного чувства к вере: уже не поиск, полный загадок, но поразительное событие, произошедшее в истории людей”. Сказанное в последней фразе кажется мне самым необходимым для жизни: нужно, чтобы то, в силу чего я когда-то начала путь, становилось знакомым, как мои отец и мать [кто из нас не желает того же?]. И я заметила в себе потребность вновь обрести причины, обуславливающие зрелую и сознательную веру, которых у меня нет. Вот почему я решила еще раз проделать путь, предлагаемый в книге, с самого начала». На дороге, обозначенной отцом Джуссани, Христос становится близким, как происходит с отцом или матерью: со временем это отношение все больше становится частью тебя. И тогда главный вопрос заключается в следующем: стал ли Христос ближе? Проблема в том, что недостаточно просто перечитать книгу – тут автор письма противоречит сам себе и приведенной ранее цитате. Необходимо встретить в настоящем момент, в котором истина была бы достигнута и изречена. В противном случае мы можем продолжать утверждать подлинные вещи, но они не превратятся в наш опыт, потому что не повторение распаивает сердце. В самом деле, второй пункт после предпосылки (теперь понимаете, почему для отца Джуссани так важна предпосылка?) уже в начальных словах ставит проблему познания: «Кто такой Иисус?» Вопрос, на который стремится ответить восьмая глава, – «Кто такой Иисус?» И как же я, читая ее, все большее понимаю, кто такой Иисус? Речь не идет не о наших комментариях и не о том, что у нас хорошо получается, нет, речь о том, кто такой Иисус. «Вопрос был задан. И Он на него ответил». А как я сегодня отвечаю на тот же вопрос? Читая главу и переживая ее на опыте – не только принимая ее утверждения за истинные, но испытывая их в настоящем. Каждый в конце этого месяца должен задаться вопросом о том, как он ответил бы, если бы кто-то спросил: «Что позволило тебе лучше понять, кто такой Иисус? Опираясь на какие факты, ты способен дать ответ? Благодаря чему из увиденного в течение последнего месяца ты способен говорить, что лучше узнал Иисуса в тех или иных обстоятельствах? В чем это видно?» В противном случае мы можем отвлечься от книги школы общины и делать наши комментарии или же превратить книгу в отправную точку для наших комментариев. Нет, нет и нет, вопрос в том, кто такой Иисус. И Он отвечает «раскрывая Себя во всех деяниях Своей личности». Как Иисус явил Себя в настоящем? С помощью действий, событий, в которых мы уловили Его присутствие.

Я заметил Его присутствие, когда отправился проведать друга, после того как ты на последней школе общины во время объявлений сказал о видео к шестидесятилетию Движения...

Слава богу, хоть кто-то серьезно относится к этому видео.

Я начал звонить друзьям и говорить: «Слушайте, предложение касается всех». В том числе я позвонил одному человеку, который работает в деревне, смотрит за коровником. Он ответил: «Приезжай ко мне на ферму в воскресенье в шесть утра». Я и несколько моих друзей приняли приглашение: встретились в пять, а в шесть уже были в коровнике и смогли увидеть весь рабочий день нашего друга, весь его труд.

Тяжелый труд.

Да, тяжелый.

И это еще мягко сказано.

Кроме того, этот человек работает в будни с шести утра до семи вечера, в субботу – с шести до четырех, а в воскресенье – с шести до полудня. И самое удивительное – его лицо во

время работы. В конце дня, проведенного с ним, я спросил: «Тебе не тяжело работать в воскресенье? И почему не тяжело?» Он же ответил: «В биографии отца Джуссани есть одна фраза, которая меня поразила: “Тот, из Которого все сотворено, стал одним из нас. А потому человеку, встретившему Его, стоило бы обогнуть землю, крича о Нем всем людям. Но можно огибать землю и кричать о Нем всем людям, находясь в том месте, в которое Христос тебя поместил”. Понимаешь? Это значит хорошо выполнять мои обязанности, ухаживать за коровами, чтобы мой начальник мог больше заработать. И тогда для человека, встретившего Христа, каждый день превращается в воскресенье. Вот поэтому-то мне не тяжело приходить сюда даже в воскресенье». Вот так я увидел знак, увидел, как событие Христа, облеченное в плоть и кровь, происходит на моих глазах.

Почему?

Потому что верно утверждение: лишь божественное спасает человека. Такое поведение – не в норме вещей.

Лишь божественное спасает человека. Подобная фраза может быть не только цитатой, которую мы повторяем, чтобы потом задыхаться рядом с коровами (и у каждого они свои!), – произнося ее, можно дышать полной грудью даже в коровнике. Это несравнимо с простым утверждением неких истин, не подкрепленных опытом! Только люди, переживающие такой же опыт, понимают, кто такой Иисус, могут ответить на вопрос о том, кто такой Иисус. И ответить не богословской формулировкой – ведь Он являет им Себя в самой глубине их существа, в том, чем они ежедневно живут. Мы знаем, кто такой Иисус, если проделываем тот же опыт сегодня, поскольку лишь божественное способно спасти человека, спасти все измерения его личности и не позволить ему превратиться в корову среди коров, умалить собственные желания, скатиться до жалоб и сдаться. И поэтому «“нравственное” сердце [не нравоучительное, не безупречное с этической точки зрения] постигает знамение присутствия Господа своего» (*У истоков христианского притязания*. С. 111). Постигает его сейчас, в настоящем, среди коров, не ожидая конца рабочего дня в коровнике, чтобы начать жить, – живя даже среди коров! Именно такой взгляд принес Иисус в историю. Встречая этот взгляд, мы познаем Иисуса. Почему? Потому что Иисус, как говорится в школе общины, определил основополагающий фактор, согласно которому «весь мир не стоит самого малого человеческого существа» (*Там же*. С. 112) – ничто во всей вселенной с ним не сравнится. Человек может заниматься любым делом, каким пожелает (или какое позволяет ему реальность). Но там, в этой незначительной частности, Иисус выявляет основополагающий фактор, чтобы позволить человеку жить на высоте всего мира. И никакие земные власти не способны у него это отобрать, поскольку не способны устранить ту силу, которую взгляд Христа вносит в жизнь. Тот факт, что человек может проделывать подобный опыт, показывает, насколько истинно обещание «И се Я с вами во все дни до скончания века». Ведь без присутствия Иисуса здесь и сейчас, этот опыт невозможен. И поэтому мы боимся сдаться, утратить силу. Иисус же всегда смотрит на основополагающий фактор, на ту пламенеющую точку, с которой ничто во вселенной не сравнится. Почему? Потому что «в каждом человеке есть некое непоколебимое начало» (*Там же*). Отсюда и происходит его ценность. И чем же в итоге обладает каждый человек? Вопреки господствующему менталитету, ценность личности заключается не в совокупности ее возможных реакций, но в чем-то, что никто не может ей присвоить или у нее отобрать. И я никогда не потеряю фактор, делающий единой мою личность – в коровнике ли я или в тюрьме, болею ли или пытаюсь разобраться с проблемами учебы или работы. И из чего видно, что Иисус признает в личности подобную ценность? В его пламенной любви к отдельному человеку, в Его порыве ради счастья каждого из нас, которые мы замечаем, когда кто-то смотрит на нас таким

образом, когда встречаемся с кем-то, говорящим о жизни так, что в нас пробуждается все наше желание счастья, которое, возможно, уже сошло на нет. И тогда мы вновь начинаем переживать опыт Христа в настоящем. Почему? Потому, что для него проблема существования мира совпадает со счастьем отдельного человека, ведь все остальное... Он мог бы сотворить бесчисленное множество других существ, но создал человека, от счастья которого зависит все. И тут возникает вопрос, столь поражающий, когда читаешь Евангелие (и отец Джуссани дал на него удивительный ответ): «Какая **польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет?**» В этом вопросе мы проверяем, кто такой Иисус. Посмотрите, какая у отца Джуссани точка зрения на этот вопрос: мы часто рассматриваем его только лишь в моралистическом ключе, а Джуссани ухватывает самый поразительный его смысл: «Никогда <...> [нежность] не охватывала человеческое сердце более, чем слово Христа, проникнутого страстью к жизни человека» (С. 112). Но, когда мы читаем эти слова, мы часто ощущаем вовсе не нежность к нам. И только если кто-то вновь говорит о ней, тогда, возможно, нам удастся уловить нежность, заключенную в этих словах. Они как будто говорят: «Разве ты не осознаешь, для чего ты создан, для какого величия сотворен?» Отец Джуссани утверждает, что «размышление над этими <...> вопросами, поставленными Иисусом, – первое послушание нашей природе» (Там же). То есть вопрос Иисуса («Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?») совпадает с нашей природой, с нашим сердцем, которое есть потребность в счастье. Иисус смотрит на нашу природу в ее полноте и видит ее гораздо лучше, проявляет к ней большее уважение, чем мы. Поэтому отец Джуссани говорит: «Если мы глухи <...> [к этим вопросам, к этой природе «я»], то наиболее важные человеческие переживания для нас закрыты» (С. 112-113), жизнь истощается, наступает засуха. Когда мы отказываемся жить на высоте наших желаний, все становится плоским. А самый явный знак присутствия Иисуса, уважения, пламенной любви Иисуса – тот факт, что в настоящем мы находим людей, пробужденных Христом, которые живут не потому, что больше не ошибаются, а потому, что впредь не соглашаются жить на высоте меньшей, чем эти желания. И в чем причина? В том, что «конечная движущая сила нашей любви к себе и другим – это тайна “я”» (С. 113). Джуссани всегда к этому возвращается: единственное, что может нас убедить принять всерьез вопросы Иисуса, принять всерьез Его метод, Его пламенную любовь к счастью каждого человека, – это любовь к нам как судьбе, то есть любовь к самим себе. Без нее нельзя познать Его. И это может случиться через последнего, кто приходит к нам, как пишет одна из вас: «Мне было трудно после школы общины – со мной такое случается, когда твои слова не находят отклика в опыте. А потом произошло вот что. Моя племянница участвует в GS, но участвует поверхностно и, по-моему, без особой убежденности. Двадцать восьмого декабря она как раз вернулась с каникул GS и рассказала нам, как услышала одно свидетельство и почувствовала, насколько оно взывало к ней, насколько было «взглядом, обращенным на нее» – вплоть до того, что она “должна была” выступить на заключительном собрании, хотя у нее тряслись коленки. Она “должна была” сказать, что, несмотря на все свои проблемы, не может не желать быть. Бог выбрал эту девочку, чтобы явить Себя мне, и это наполнило меня изумлением и благодарностью». Последний, кто пришел к нам, может оказаться тем, кто лучше всех свидетельствует о присутствии Христа. Что поразило нашу подругу? Она увидела в племяннице момент истины, достигнутой и изреченной, то есть присутствующий факт, который неизбежно пробуждает в видящем его человеке все его желания. Так можно увидеть, говорит отец Джуссани, до какой степени мы зависимы. Ведь в чем состоит отношение, которое видит Иисус? На чем основывается ценность личности? На том очевидном факте, что мы зависимы. Но это нас не успокаивает. Многие задаются вопросом: «Соответствует ли мне эта зависимость или же она, напротив, тяжкий груз». Каждый должен принять в расчет все вызовы и все вопросы. Прочитаю одно письмо: «Мне очень жаль, но с тем, что касается зависимости, я не согласен [вот ясное суждение]! Я не могу сказать,

что зависимость больше всего соответствует моей жизни, что это самое подходящее для моей жизни. Я всегда, каждое мгновение, ощущаю зависимость, то есть невозможность зависеть только от себя, я каждое мгновение вижу свою хрупкость и неспособность. Сказать, что это меня освобождает, будет ложью. Мог бы ты объяснить, что имеешь в виду, когда говоришь о зависимости? Потому что для меня она не нечто подходящее, а тяжкий груз. Немного самостоятельности мне бы не помешало, потому что сейчас, куда я не повернусь, моя нужда в зависимости тут же предстает передо мной и заставляет страдать. Буду благодарна, если ты прояснишь этот фактор». То же самое говорит другая подруга: «Как же трудно позволить, чтобы Другой творил тебя, то есть зависеть». Поэтому я хотел бы прочитать письмо, в котором один из вас рассказывает об опыте пребывания в больнице: «Приняв первую порцию ежедневного коктейля из лекарств и ясно выразив нежелание говорить с кем-либо ни по телефону, ни как-либо еще, я взял в руки текст школы общины и прочитал пункты, над которыми ты просил нас работать. Но, дойдя до «Изначальной зависимости», я больше не мог продолжать. Прочитав, что человек есть непосредственное, исключительное отношение с Богом, я вздрогнул. Кто знает, сколько раз я слышал эту фразу. Но в тех условиях, когда я злился, но при этом, сам того не сознавая, не сопротивлялся [злился, но не сопротивлялся: видите, вот зазор, через который проникает Тайна, она стала именно тем, что мне хотелось услышать [мы часто не соглашаемся и считаем зависимость тяжким грузом. До тех пор, пока в один прекрасный момент не осознаем: нам хотелось бы услышать, что есть Кто-то превосходящий нас, от Кого мы зависимы]. И я стал поднимать голову и смотреть на все, имея в виду эти слова. Я представляю собой исключительное и непосредственное отношение с Богом, и это значит, что есть реальное «Ты», к которому я могу обращаться с просьбой о понимании, у кого могу спрашивать, перед кем могу злиться на собственное непонимание. Но Он существует и любит меня там, где я нахожусь, таким, какой я есть, и говорит со мной через то, что происходит. И я начал проживать эти дни в больнице, будучи послушным тому, чего Он просил у меня в каждый момент, – в том числе, глядя на семидесятипятилетнего соседа по комнате. Когда я выписывался и мы прощались, он заплакал (а ведь я не сделал ничего, чтобы ему понравиться). Оказавшись дома, я испугался, что пережитое было самовнушением, но потом, вернувшись к нормальной жизни заметил следующий парадокс: на больничной койке мое сердце распирало от вопросов, но я был уверен в этом отношении и старался не потерять ни одной секунды скучного дня, хотя обычно даже не замечаю времени, которое трачу попусту. И я затосковал (в это невозможно поверить, и меня буквально дрожь пробирает от того, что говорю) по тем дням и по тому напряжению, которое заставляло меня просить, которое давало мне тихую радость. Переживать зависимость, осознавая отношение и не ограничивая свое положение лишь вынужденным приемом лекарств – это нечто иное». Соответствует ли нам жизнь в зависимости или становится тяжким грузом? Пусть те, кто написал мне, по крайней мере знают: возможно переживать зависимость по-другому – не как тяжкий груз, а как то, что мне соответствует. И когда они окажутся в ситуации, которая поможет им открыться, они увидят подтверждение и в своей жизни. Понимаете, почему открытость имеет ключевое значение для того, чтобы познать Иисуса? Мы не в состоянии сказать, кто такой Иисус, если в нас не произойдет ничего подобного. Как говорится в начале третьего пункта: «Настаивать на религиозности – это первый абсолютный долг воспитателя, то есть друга, любящего и желающего помочь человеку на пути к его судьбе. <...> Можно полагать, что мы начали понимать христианство, только если мы отталкиваемся от <...> страстной любви к отдельной личности» (С. 117). Каждый может увидеть, кто его друзья, именно таким образом, в той мере, в какой они помогают религиозности постоянно обновляться. Тогда ты можешь пойти к другу, который работает в коровнике, и увидеть, как это снова происходит в тебе, не потому, что слышишь лекцию о религиозности, а потому что, можно говорить о религиозности, когда человек встречает

человечность, достигнутую и изреченную, когда находится перед присутствующим фактом, который снова открывает его, хотя он сам не знает, как. И тогда человек начинает видеть, кто такой Иисус, именно в силу новизны, снова открывающейся в жизни. Продолжим работу над этой главой, потому что, как видите, мы могли бы задержаться на ней на целый год. Она неисчерпаема. Не будем считать, что все уже понятно, – нам еще предстоит открыть новизну в каждой строчке.

Упражнения Братства пройдут в Римини с 4 по 6 апреля 2014 года. Секретариат Братства разошлет 18 февраля письмо, в котором сообщит об открытии сайта для записи; как и в прошлом году, записаться можно будет только через Интернет.

Видео к 60-летию рождения Движения. После всего услышанного каждый, по-моему, может считать, что его лично пригласили поучаствовать в этой инициативе. Чтобы у вас было больше времени, срок загрузки видео на сайт продлен до 31 марта. Напоминаю: чтобы создать ролик, не обязательно быть профессионалом. Требуется лишь пламенное стремление показать, кто мы такие. Не нужно рассказывать ни о чем другом – каждый пусть просто даст свидетельство, чтобы оно действительно принесло пользу многим людям, которые его увидят. Предложение касается всех именно в силу этой миссионерской страсти. Почему мы делаем видео? Не для того, чтобы выставить себя напоказ, но чтобы разделить с другими, как сказал наш друг, цитируя Джуссани, то, что мы познали.

Канонизация Иоанна Павла II и Иоанна XXIII. Месса под председательством Папы Франциска состоится 27 апреля на площади Святого Петра в Риме. Она начнется предположительно в 10.00 и завершится молитвой Regina Coeli. Для участия в богослужении и входа на площадь не предусмотрены билеты (напоминаем, что на беатификации Иоанна Павла II Виа делла Кончилиационе была заполнена паломниками уже с ночи). Когда у нас будут более подробные указания, мы вам сообщим.

Встреча с Папой, организованная Конференцией епископов Италии для всех тех, кто имеет отношение к школе (учителей, родителей, учащихся) пройдет 10 мая на площади Святого Петра в Риме с 15.00 до 18.30. Тема воспитания, столь важная для нашей истории, особенно дорога Франциску, как он уже показал во многих своих выступлениях. Когда будет новая информация, мы сообщим.

Veni Sancte Spiritus

Всем доброго вечера